Неизвестный Китай в Давосе

Давосский форум, который каждый год собирает самых влиятельных капиталистов и членов правительств со всего мира, в этом году снова начался со вступительного доклада, основанного на интервью с 1500 участниками мероприятия. Подавляющее большинство респондентов разделяют *«преимущественно негативный прогноз развития мира на ближайшие два года, который, как ожидается, ухудшится в течение следующего десятилетия»*. Девять из десяти опрошенных видят в долгосрочной перспективе *«высокие риски глобальных катастроф»*. И это при условии, что исследование было завершено в сентябре, т. е. не фиксирует последствия войны в Газе.

Пессимистический настрой собравшихся в Давосе был взращён годами реальных потрясений (финансовым кризисом, пандемией, войной) и боязни катастроф (вечно неминуемой рецессии, дефляции, конца глобализации). Мрачные прогнозы также использовались, чтобы повлиять на правительства и центральные банки с целью обеспечить щедрую государственную помощь или удержать на низком уровне процентные ставки. Некоторые наблюдатели отмечают метаморфозу "человека Давоса" из поборника либеризма в сторонника протекционизма, из энтузиаста по отношению к Пекину в критика незавершённого "китайского чуда". Многополярный мир в действии дезориентирует правящие классы старого порядка, но в то же время обостряет проблемы империалистического развития новых держав.

Трудности и успехи

В своём выступлении в Давосе премьер Госсовета КНР Ли Цян заявил, что в 2023 г. целевой показатель экономического роста Китая будет превышен с результатом 5,2 % ВВП – это в 2 раза больше, чем в среднем по миру, и в 3,5 раза больше, чем в "развитых" странах. Ли Цян подчеркнул, что Китай не прибегал к крупным фискальным и монетарным стимулам: *«Мы пытались избежать крупных стимулов и не стремились к краткосрочному росту за счёт накопления долгосрочных рисков»*.

Но циклические и структурные проблемы Китая никуда не делись. Дефляция цен производителей промышленной продукции, слабость внутреннего спроса, спад экспорта в долларах, потеря части прямых иностранных инвестиций, снижение роста производительности, старение рабочей силы, высокая задолженность предприятий и местных администраций, но, прежде всего, кризис в секторе недвижимости, который продолжается третий год подряд, сопровождаясь падением продаж домов на 35 % по сравнению с 2022 г. и банкротствами важных групп (последним стал январский крах финансовой группы "Чжунчжи" с активами в 140 млрд долларов), – вот причины, по которым агентство Moody's в декабре снизило кредитный рейтинг Китая со "стабильного" на "негативный".

Но Китай вызывает кошмары у конкурентов не из-за своих недугов, а по причине успехов в области энергетического перехода: МЭА признало, что Пекин возглавляет усилия по утроению глобальной мощности возобновляемых источников энергии к 2030 г., при этом только в 2023 г. китайское производство солнечной энергии удвоится, а ветровой – вырастет на 66 %. Его движущая сила проявляется на рынке электромобилей. По данным *The Economist*, в ноябре 42 % проданных в Китае автомобилей были электрическими или гибридными, по сравнению с 25 % в ЕС и 10 % в США. В 2023 г. благодаря продажам электромобилей Китай обошёл Японию как крупнейшего мирового экспортёра автомобилей: в последнем квартале китайская BYD обогнала Tesla как крупнейшего в мире производителя автомобилей, работающих только на аккумуляторах.

Централизованный центральный банк

В ходе дебатов о противоречиях китайской экономики между лондонской *Financial Times* и пекинской *Global Times* возник интересный спор о роли китайского центрального банка (Народного банка Китая, НБК). Газета Сити в конце декабря в разделе "The Big Read" заявила, что *«влияние некогда могущественного НБК ослабло, поскольку Пекин наращивает усилия по централизации контроля КПК над финансовым регулированием»*. Этот тезис подкреплялся рядом аргументов.

Во-первых, с марта НБК находится под контролем Центральной финансовой комиссии (CFC), член которой Хэ Лифэн (вице-премьер Госсовета КНР и "царь" экономики) будет иметь право голоса при назначениях в центральном банке. *Во-вторых*, было создано Государственное управление финансового регулирования (NAFR), которое поглотит 1600 отделений НБК на уровне округов и возьмёт на себя частичный контроль над системой электронных платежей Alipay. *В-третьих*, с помощью закона о борьбе с коррупцией был отстранён бывший заместитель председателя НБК Фань Ифэй, а глава департамента денежно-кредитной политики НБК Сунь Гофэн оказался под следствием. *В-четвёртых*, НБК под давлением Госсовета *неохотно* провёл несколько финансовых операций, ответственность за которые была возложена на Министерство финансов. *В-пятых*, председатель Пань Гуншэн сместился вниз по партийной иерархии, не войдя в состав ЦК КПК, в то время как это сделали главы некоторых государственных групп (Industrial and Commercial Bank of China, Agricultural Bank of China и la China Life Insurance).

Global Times отреагировала институциональным аргументом: идея о том, что китайский центральный банк в разгар сложной экономической ситуации оказался *«в стороне»*, совершенно ошибочна. Его политику следует рассматривать через призму трёх критериев. Во-первых, китайский финансовый сектор развивается *«быстро, но с проблемами и противоречиями»*, эффективность финансовых услуг для реальной экономики невысока; управление нуждается в улучшении. Во-вторых, цель состоит в том, чтобы *«собрать мощные силы для решения сложных проблем»*. Это требует приверженности *«централизованному и единому руководству КПК»*. В-третьих, Китай должен преобразовать политические и институциональные преимущества централизации в эффективное финансовое управление. Цель, обозначенная центральной финансовой рабочей комиссией в октябре 2023 г., заключается в создании *«финансовой державы* [...] *в сложном глобальном экономическом контексте.* [...] *При этом могут возникнуть некоторые недопонимания между Китаем и Западом, и это нормально, потому что многие жители Запада всё ещё используют устаревшие западные экономические концепции для интерпретации быстро развивающейся экономики Китая»*.

Устаревшие концепции

Global Times связывает цель Китая по созданию *«финансовой державы»* с необходимостью политической централизации монетарной власти. В либеральном видении государство организовано исходя из принципа разделения властей как гарантии плюрализма буржуазных фракций и в эпоху империализма распространило его на монетарную власть, выведя её из-под контроля казначейства, т. е. оперативного органа исполнительной власти, управляющего расходами и выпускающего госдолг. С этой точки зрения, идея о том, что монетарная политика должна находиться под *«централизованным и единым руководством»*, кажется еретической.

Следует отметить, что практика независимости центрального банка от казначейства имеет относительно недавнюю историю и, например, в Европе она формально возникла только после создания Европейского центрального банка, который требовал независимости национальных центральных банков от своих правительств, чтобы они могли уступать свой монетарный суверенитет лишь федеральному учреждению. Следует также отметить, что во времена кризиса взаимосвязь между монетарной властью и выпуском государственного долга была восстановлена в виде различных форм и процедур политики количественного смягчения, т. е. массовой скупки государственных облигаций для целей монетарной политики (снижения ставок), достигаемых за счёт последствий для государственных финансов (больше долга при меньших расходах).

С китайской точки зрения, большая централизация способствует формированию концентрированной регулирующей силы, способной противостоять всё более интенсивной империалистической конкуренции и обеспечивать финансирование перевооружения и интернационализацию юаня. Либеральное видение непоследовательно, когда оно протестует против централизма, но осуждает невключение председателя НБК в ЦК КПК. Можно предположить, что кооптация председателя НБК в ЦК КПК не дала бы больше власти банку, но лишила бы его авторитета в глазах руководителей центральных банков мира.

Подчинение председателя НБК Госсовету, а не непосредственно партии, можно считать формой независимости центрального банка с китайской спецификой.

Щит и копьё

Центральный банк предпринял ряд защитных действий: предоставил экономике ограниченную ликвидность, постепенно ослабил кризисы, с которыми столкнулись группы из сектора недвижимости, разрешил отдельным провинциям выпуск собственных облигаций и в 2023 г. остановил отток капитала, вызванный быстрым ростом ставки ФРС.

В своём выступлении на HKMA-BIS High-Level Conference 28 ноября Пань Гуншэн проиллюстрировал направления действий НБК внутри и за пределами Китая.

Пан считает, что погоня за высокими темпами развития закончилась: *«Гораздо важнее качественный и устойчивый рост. Поэтому нам следует больше сосредоточиться на совершенствовании экономической структуры и формировании новых драйверов роста. Нынешняя экономическая трансформация пройдёт долгий и трудный путь, но именно такой нам и следует пройти»*. Китай должен использовать свои *«сильные стороны»*: способность к инновациям, большой рынок, хорошую инфраструктуру, консолидированные промышленные цепочки, богатые и образованные человеческие ресурсы. Устойчивое развитие станет результатом роста *«возобновляемых источников энергии и других новых движущих сил экономики»* в сочетании с недавними мерами, реализуемыми *«постепенно»*: поддержкой сектора недвижимости, сокращением долгового бремени местных органов власти, выпуском облигаций центрального правительства на сумму 1 трлн юаней.

В отношениях с внешними силами центральный банк играет важнейшую роль в превращении Китая в *«финансовую державу»*. Председатель Пан заявляет: *«Во-первых, мы значительно расширили доступ к рынку для иностранных финансовых учреждений»*. НБК отменил запрет на иностранное владение банками, страховыми компаниями и фирмами, занимающимися ценными бумагами, и лицензировал кредитную карту Mastercard. *«Во-вторых, мы расширили открытие финансовых рынков Китая. Сейчас он имеет второй по величине рынок облигаций в мире»*. Иностранные инвесторы владеют 3,3 трлн юаней китайских облигаций, которые растут на 30 % ежегодно. *«В-третьих, юань более широко принимается и используется в международной торговле и финансовых операциях.* [...] *Опыт Китая показал, что открытость является мощной движущей силой высокого развития финансовых рынков»*. *«В-четвёртых, НБК уже давно участвует в глобальном финансовом управлении.* [...] *В этом году Китай создал финансовые рабочие группы как с США, так и с ЕС. НБК является ведущим агентством с китайской стороны для обеих групп»*. *«И последнее, но не менее важное:* [...] *особая роль, которую Гонконг может играть как международный финансовый центр.* [...] *Он имеет свободную бизнес-среду, развитые финансовые рынки, финансовую инфраструктуру, огромный кадровый резерв, надёжную и хорошо соответствующую международным стандартам правовую систему. Это крупнейший оффшорный рынок юаня в мире. Это также крупнейший в Азии центр управления активами и второй по величине центр хедж-фондов и прямых инвестиций»*.

Как видим, центробанк не остался “в стороне”. В китайских дебатах Пань Гуншэн представляет линию, которая направлена на решительную поддержку энергетического и цифрового переходов, а также финансовой проекции Китая в мире. Дебаты среди китайских экономистов сложны и отражают разнообразие приоритетов (инвестиции, потребление, инфраструктура, соцобеспечение и недвижимость), выделение которых, как заявляется, сможет ускорить восстановление экономики.

Январь 2024 г.